

ХУРТУМЪ И ЁРШИКЪ ¹⁾.

Повѣсть.

(Продолженіе).

VII.

асовъ около трехъ ночи сталъ стихать вѣтеръ и вой Ершика, дотолъ относимый его порывами, сталъ тревожить обитателей дома.

Первой проснулась на кухнѣ за своей перегородкой Марья.

— Василій, а Василій! окликнула она денщика.

Отвѣтомъ ей былъ басистый храпъ солдата.

Марья стала прислушиваться. «Ершикъ» рвался, вылъ и лаялъ, выливая всю тоску своей собачьей души...

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

— Ой, не къ добру это, прошептала Марья. Впервые съ нимъ, сколько на цѣпи сидить. Собака толковая—зря не станетъ... О, Господи!

«Пойду-ка, побужу Василия», рѣшила она и, наскоро одѣвшись, встала.

Но денщика не такъ то легко было разбудить и прошло по крайней мѣрѣ четверть часа, пока солдатъ началъ понимать окружающее.

— А? что? воетъ? говорилъ онъ, приходя въ себя; ну, пусть воетъ...

— Да очухайся ты, не унималась Марья; подь, посмотри... О-охъ, не проста это. Собака толковая...

Ее все больше охватывало непонятное волненіе. А лай и вой «Ершика» все лились, и слышался въ нихъ и ужась, и тоска, и призывъ на помощь.

— Ахъ, штобъ васъ! Наговорятся на ночь про разныхъ овинокъ, огрызнулся Василій, а потомъ чудится имъ... Вотъ я его...

Онъ всталъ, накинулъ шинель и, схвативъ стоящую въ углу хворостину, выскочилъ на крыльцо.

— Ты что, паскуда, очумѣль, что-ли!? набросился онъ на «Ершика», кинувшагося къ нему навстрѣчу съ жалобнымъ воемъ.

Нотолько онъ замахнулся, чтобы ударить собаку, какъ «Ершикъ» взвился на дыбы, схватилъ его за горло и прежде, чѣмъ присѣвшій отъ страха Василій успѣлъ опомниться, повалилъ, легъ ему на грудь, но вмѣсто того, чтобы кусать, завылъ протяжно и тоскливо, глядя въ лицо солдата жалобными глазами.

Всю эту картину, при тускломъ свѣтѣ нарождавшагося утра, видѣла вышедшая вслѣдъ за Василіемъ Марья. Она бросилась къ собакѣ и стащила ее за ошейникъ.

— Ахъ, ты такъ! храбрился блѣдный, какъ полотно, денщикъ, вскакивая съ земли. Ты кусаться!... Вотъ я тебя! И онъ кинулся по двору, ища палку поосновательнѣе.

— Да полно тебѣ! Ишь ты Аника-воинъ! Нашелъ время драться. Гляди-тко лучше!

— А что глядѣть то? огрызнулся Василій.

Марья молча указала ему на собаку. Взившись на заднія лапы и натянувъ цѣпь насколько можно, повиснувъ на ней, «Ершикъ» раздрающимъ тоскливымъ воемъ заливался въ сторону конюшни.

— Подь, Василій, посмотри, убѣждала его Марья. О-охъ, не къ добру это.

Но денщикъ оставался непреклоненъ.

— Стану съ вами я тутъ валандаться! Мало дня! Овинникъ што-ль, либо домовой ходить, по вашему понятію? презрительно фыркнулъ онъ и пошелъ къ дому.

— Креста на тебѣ нѣтъ! Безбожникъ! крикнула ему вслѣдъ Марья и отправилась одна въ обходъ дома.

Черезъ десять минутъ весь домъ былъ на ногахъ.

Василій съ зажженнымъ фонаремъ, хотя въ этомъ не было никакой необходимости, бѣжалъ впереди ротмистра. Сзади слѣдовала Марья, причитая, плача, жестикулируя и ругая Василя. Остальные домашніе, испуганные извѣстіемъ, кое-какъ одѣвшись, сбились въ столовой.

Вѣтеръ ослабѣлъ и налеталъ перывами. Мутный воздухъ начиналъ сѣрѣть, колышась точно влажная полупрозрачная завѣса и туманя очертанія предметовъ. Свинцовыя тучи громоздкой стаей тянулись низко надъ землею. Деревья сада то застывали неподвижно, то съ жалобнымъ стономъ раскачивались оголенными вѣтвями и кланялись, точно стараясь умиловить какое то грозное божество. Опавшій листъ не шуршалъ подъ ногами, а стлался влажнымъ и желтымъ ковромъ на вязкую землю.

Когда приближались къ конюшнѣ, издали можно было скорѣе угадать напряженнымъ глазомъ, чѣмъ распознать что то черное на землѣ.

— Вонь! Во-о-онь! Го-луб-чи-и-къ! заголосила Марья.

Налетѣлъ вѣтеръ, скрипнула и застучала замкомъ (на сорванной съ пробойника клямкѣ) конюшенная дверь; точно крылья черной птицы затрепались въ воздухѣ фалды коротенькаго мундира.

Ражанцовъ лежалъ наискось, ногами къ дверямъ. Фуражка была нахлобучена на глаза и онъ производилъ издали впечатлѣніе мирно спавшаго человѣка, если бы не ужасныя подробности, открывавшіяся съ приближеніемъ... Изъ подъ козырька фуражки, вмѣсто знакомаго лица и бороды, виднѣлся застывшій темно-коричневый кровяной сгустокъ; такая же коричневая влага легла вокругъ головы и плечъ, пропитавъ землю. Разсѣченная на макушкѣ фуражка вздулась волдыремъ и изъ нея медленно, почти незамѣтно, тянулась къ землѣ тонкая и густая струя застывшей крови. Изъ скрюченныхъ кровавыхъ обрубковъ пальцевъ далеко откинутой правой руки еще струилась алая кровь; временами конвульсивно вздрагивала рука...

VIII.

Ражанцовъ остался живъ. Поднятая рука и солдатская привычка носить въ фуражечной подкладкѣ заколотыя иголки съ нитками, обмотанными вокругъ нихъ, спасли его. Подававшій первую помощь врачъ не могъ понять, откуда взялись у него на головѣ двѣ поперечныя ранки—одна тоненькая и короткая, другая значительно длиннѣе и толще. Осмотрѣли фуражку и на линіи прорѣза нашли двѣ иголки. Тоненькая была сломана пополамъ и острый конецъ ея отсутствовалъ, а на толстой едва различалась простымъ глазомъ царапина—слѣдъ ударившаго ее кинжала. Средніе пальцы правой руки были обрублены, точно скошены по первый суставъ, а съ двухъ боковыхъ была снесена мякоть съ частью ногтя.

Большая потеря крови сдѣлала его очень слабымъ и очнулся онъ только на вторыя сутки въ госпиталѣ, куда его доставили. Первымъ вопросомъ его было, что случилось съ «Хуртумомъ». Но ни госпитальные служители, ни сестра милосердія ничего не знали о подробностяхъ происшествія.

Разказалъ ихъ Юрій, прибѣжавшій на третій день въ сопровожденіи бонны, узнавъ отъ отца, что его другу лучше.

Торжественно безмолвны и пустычны были безконечные госпитальные корридоры. Сѣрая полотняная дорожка, протянутая лентой между двухъ полосъ желтаго крашенаго пола, скрадывала глухой гулъ шаговъ. Пахло смѣсью лекарствъ, изъ которой выдѣлялся рѣзкій запахъ карболки и іодоформа. Высокія двери въ палаты были плотно заперты, какъ будто хранили за собой непроницаемую тайну. Только изрѣдка изъ-за стѣны доносился заглушенный крикъ или тихій стоны.

Послѣ долгаго странствованія, ввели ихъ въ просторную, свѣтлую комнату, гдѣ въ три ряда, съ равными промежутками, тянулись кровати вперемежку съ бѣлыми небольшими столиками.

— Вотъ, указалъ служитель въ фартукѣ съ засученными рукавами рубашки.

Юрій не узналъ своего друга. Съ бѣлой, точно чалма, повязкой на головѣ, съ притянутой на бинтѣ къ груди, закутанной рукой блѣднымъ лицомъ и ввалившимися закрытыми глазами, лежалъ, вытянувшись подъ сѣрымъ одѣяломъ, какой то человекъ. И только рыжеватая окладистая борода напоминала о Ражанцовѣ.

Нѣсколько мгновений стоялъ Юрій въ нерѣшительности съ бьющимся и замирающимъ сердцемъ. Такъ жутко и необычайно было здѣсь. Такъ тяготила эта тишина, гдѣ каждый звукъ раздавался преувеличенно громко. Давила симметричность и однообразие кроватей, съ дощечками на высокихъ шестахъ, напоминающихъ могильные кресты, съ вытянувшимися неподвижно подъ этой эмблемой смерти искалѣченными, полуживыми людьми.

Какой то солдатъ, сосѣдъ Ражанцова, какъ потомъ узналъ Юрій, — съ раздавленной при паденіи на него лошади грудной клѣткой, издавалъ горломъ какіе то странные свистящіе звуки, точно наигрывалъ на флейтѣ.

— Ег schlift (*спитъ*), тихо сказала фрейленъ.

— Уйдемъ, прошепталъ Юрій, прижимаясь къ ней отъ страха.

Въ это время Ражанцовъ открылъ глаза. Они были тусклы, безжизненны и глядѣли неподвижно. Но вдругъ по лицу его скользнула улыбка, волосы бороды и усовъ едва замѣтно зашевелились, затопорщились, и онъ тихо сказалъ:

— А, барчукъ!

— Вотъ мама тебѣ прислала, заторопился Юрій, чувствуя себя неловко и не зная съ чего начать разговоръ.

Онъ протянулъ и положилъ на колѣни больному свертокъ съ чаемъ, сахаромъ и полубутылкой коньяка.

— Дай Богъ ей здоровьца, тихо и ласково сказалъ Ражанцовъ.

Потомъ помолчалъ, подумалъ и, удовлетворяя неотвязную мысль, спросилъ:

— А «Хуртума» тово... увели?

— Увели, повторилъ Юрій и, обрадовавшись, что есть о чемъ говорить, принялся, спѣша и сбиваясь, рассказывать о видѣнномъ на мѣстѣ происшествія, о слышанной отъ отца безрезультатной погонѣ и такихъ же безрезультатныхъ поискахъ.

Когда тема эта изсякла, наступило тягостное молчаніе. Ражанцову, видимо, было трудно говорить.

— Ты усталъ? Я пойду, полувопросительно сказалъ Юрій, ерзая на скамейкѣ и не зная, что предпринять.

— Подъ-ка сюда, протянулъ къ нему Ражанцовъ здоровую руку.

Когда Юрій, не безъ боязни, придвинулся къ нему, онъ придержалъ его за плечики, еще больше наклонилъ къ себѣ и, щекоча его лицо бородой, зашепталъ на ухо:

— «Ершика» съ цѣпи то спусти... безпремѣнно спусти... пусть побѣгаетъ на волѣ... а ты погляди за нимъ, какъ онъ побѣжитъ... Спустишь?

— Спусти, сказалъ Юрій, удивляясь пустяшности просьбы, которую его другъ облекалъ такою таинственностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ косясь на бонну.

— Не запамятуй, еще разъ напомнилъ Ражанцовъ, и, когда Юрій еще разъ пообѣщалъ исполнить, по лицу его пробѣжала удовлетворенная и какъ будто лукавая усмѣшка.

Когда собрались уже уходить, внезапно и порывисто подошла къ Ражанцову нѣмка.

— Пошалуйста, вотъ возмѣйть... мой братъ bei Metz (*подъ Мецомъ...*) зъ ружьямъ... Grosser Gott (*о, мой Богъ!*), какъ она страдалъ...

И показавъ одной рукой на грудь, куда былъ раненъ ея братъ подъ Мецомъ, она другой сунула Ражанцову въ руку какую-то мелочь и быстро, сжавъ ее рукопожатіемъ, бросилась вонъ. Она была взволнована. Въ глазахъ ея стояли слезы.

IX.

Въ эти дни всѣ забыли о «Ершикѣ». Даже Юрій навѣщалъ его рѣже, чему отчасти была виною ненастная вѣтреная погода. Василиій былъ золь на собаку и ее взяла подъ свое покровительство Марья.

— Пса-то не обманешь! Смышленный песь—чуешь несчастье, словно человекъ грустить, говорила Марья, возвращаясь на кухню съ миской, въ которой носила «Ершику» похлебку.

И, дѣйствительно, за эти дни «Ершикъ» совершенно перемѣнился. Послѣ того, какъ мимо него пронесли безчувственнаго Ражанцова, онъ легъ, пересталъ выть и лаять и такъ неподвижно лежалъ по цѣлымъ днямъ подлѣ конуры, не прикасаясь къ пищѣ. Когда къ нему приближался Юрій или Марья, онъ вскакивалъ, жалобно повизгивая, лизалъ руки, бросался въ сторону конюшни, лаялъ и вылъ, поворачивая къ нимъ свою взъерошенную морду; опять подбѣгалъ къ нимъ и, снова оборачиваясь, какъ бы приглашая слѣдовать за собою, бросался и вылъ въ ту сторону, гдѣ произошло несчастье съ его друзьями.

— Ишь, горюеть, объясняла себѣ Марья.

Юрій никакъ не могъ понять поведенія собаки. Да и не осо-

бенно задумывался надъ этимъ. Онъ зналъ одно, что «Ёршикъ» сталъ скучный, отказывается продѣлывать свои штуки и что съ нимъ не такъ весело играть, какъ прежде.

Конечно, никому и въ голову не приходило спускать «Ёршика» съ цѣпи и онъ все время проводилъ на привязи.

Вернувшись изъ госпиталя, Юрій рѣшилъ привести въ исполненіе просьбу друга. Улучивъ моментъ, когда бонна сѣла заниматься съ сестренкой, а старшіе были заняты съ гостями, Юрій одѣлъ пальтишко, шляпенку и выскочилъ на дворъ.

Было часовъ около четырехъ дня. Красноватое солнце медленно клонилось къ закату, по небу скользили разорванными клочьями серебристо-дымчатая облака. Выжженная волнистая окрестности утопали въ какомъ-то тускло-золотистомъ сіяніи. Дулъ неизмѣнный вѣтеръ и, несмотря на солнечные лучи, было холодновато.

— Ёршикъ! Ёршикъ! позваль Юрій.

Лязгая цѣпью по проволокѣ, собака подбѣжала къ нему и, жалостно повизгивая, принялась лизать ему руки. Она замѣтно похуѣла и утратила былую жизнерадостность.

— Ёршикъ, стой!... но собака, не подозрѣвая, что ей хотять дать свободу, по обыкновенію послѣднихъ дней, бросилась въ противоположный конецъ проволоки и завyla въ сторону конюшни.

— Ёршикъ, подожди-же!

Съ большимъ трудомъ Юрію удалось отстегнуть карабинъ цѣпи.

Первое мгновеніе собака не вѣрила своей свободѣ, затѣмъ радостно взвизгнула и, изъявляя Юрію свою признательность, лизнула его въ лицо.

Потомъ, сдѣлавшись серьезной и какъ бы исполняя свой долгъ, затрусилла на черный дворъ, оборачиваясь на Юрія, таякая, повиливая хвостомъ и приглашая его всѣми собачьими жестами и возгласами слѣдовать за собою.

Грустно стояла покинутая конюшня. Дверь покачивалась и скрипѣла на вѣтру. Наискось, подлѣ двери, еще ясно обозначалось коричневымъ пятномъ мѣсто, гдѣ лежалъ Ражанцовъ.

Внимательно обнюхалъ его «Ёршикъ» и залаялъ, но въ этомъ лаѣ уже не было печали, какъ будто онъ былъ увѣренъ, что его хозяинъ живъ.

Слѣдовать за собакой въ конюшню Юрій побоялся. Тамъ былъ полумракъ и казалось, что кто-то спрятался и выжидаетъ момента, чтобы наброситься.

Долго «Ершикъ» пробылъ въ конюшнѣ. Когда онъ появился на порогѣ, морда его была озабоченной. Внимательно обнюхивая землю, шагъ за шагомъ онъ подвигался впередъ. Вотъ онъ у пролома въ заборѣ, черезъ который вывели конокрады лошадей, вогъ уже въ полѣ. Слѣды погони, очевидно, его путаютъ. Онъ дѣлаетъ петли, кружится на одномъ мѣстѣ, возвращается назадъ и снова ведетъ.

Раздается его радостный лай. Онъ смотритъ на Юрія, бросается впередъ и неудержимо, весело лаетъ.

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Собака оборачивается, бросается впередъ и снова радостно лаетъ, какъ бы говоря: «Да иди же за мной!»

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!

Убѣдившись, что Юрій и не думаетъ за нимъ слѣдовать, «Ершикъ» раза два прощально твякнулъ и, уткнувшись носомъ въ землю, подкидывая на ходу задомъ, безъ колебаній понесся въ волнистое пространство предгорій.

— Ершикъ! Ершикъ! Ершикъ!... голосъ Юрія подхватывалъ вѣтеръ и, точно издѣваясь, уносилъ въ сторону.

— Ершикъ! А Ершикъ!... въ голосѣ послышались слезы.

Собака еще разъ мелькнула и исчезла въ складкахъ мѣстности, точно нырнула въ тускло-золотистый океанъ выжженныхъ солнцемъ волнистыхъ предгорій.

Трилицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

